ХОЛОДНО – О ГОРЯЧЕМ

ЛОЖНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА? ПОПУЛИСТСКИЙ ВЫЗОВ СОЛИДАРНОСТИ ЕС В ОТНОШЕНИИ РОССИИ

СЕРГЕЙ ШЕИН
АРТЁМ АЛИКИН

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

Рост популизма в государствах–членах Европейского Союза, как масштабный внутренний вызов евроинтеграционному проекту, имеет проекцию на сферу внешней политики Брюсселя. Отклонение популистских программ и стратегий от позиций мейнстрима наиболее ярко проявляется в политике ЕС по отношению к России. В этой связи встаёт вопрос о соотношении внешнеполитических ориентаций европейских популистов с ключевой ценностью ЕС – принципом солидарности. В статье авторы стремятся ответить на вопрос, как формулируются и реализуются внешнеполитические программы популистов и способны ли они нанести ущерб воплощению принципа солидарности во внешней политике ЕС на российском направлении. Используя идейный или идеологический подход к пониманию популизма и сравнительный анализ внешнеполитических программ популистских акторов Германии, Великобритании и Венгрии, авторы приходят к выводу, что отклонения партий правопопулистской (АдГ, ПНСК, Фидес) и левопопулистской («Левые») окраски выражены в разной степени и предполагают различные акценты: «стратегический союз» по отношению к России у АдГ и «Левых»; прагматичная пророссийскость у Фидес, амбивалентное отношение у ПНСК. Европейские правые и левые популисты с разной степенью радикальности подходят к реализации принципа солидарности во внешнеполитическом курсе ЕС по отношению к России. При этом отчётливо проявляется ограниченность возможностей транслировать программы и установки популистов во внешнеполитический курс Брюсселя по отношению к России. Как следствие, несмотря на преимущественно пророссийскую риторику, популизм у власти и в оппозиции не способен демонтировать существующий консенсус во внешней политике ЕС. Природа популизма как идеологии и инструментальное использование левыми и правыми популистами темы России для «внутреннего потребления» выступают барьерами для реального оспаривания курса, проводимого Брюсселем. Более того, популисты становятся удобным «спарринг-партнёром» для укрепления солидарности государств–членов ЕС в выстраивании внешней политики в отношении Российской Федерации.

Ключевые слова:

популизм; внешняя политика ЕС; солидарность; Россия.

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 20-78-00103 «Популизм как фактор онтологического измерения безопасности ЕС: вызовы для России».

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.05.2021

Дата принятия к публикации: 24.06.2021

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: sshein@hse.ru

«Популистский дух времени» [Mudde 2004] или «популистский момент» [Vrubaker 2017] стали устойчивыми характеристиками политического процесса в Европе. Популистские партии левой и правой окраски не только прочно «закрепились» в legislatures стран—членов Европейского Союза (в 2019 г. совокупный процент голосов за популистов на национальных выборах в странах ЕС составил 25%)¹, но и получили доступ к власти. Например, в 2018 г. популисты были представлены в правительствах 12 европейских стран (в 2021 г. — в 10 странах²).

При оценке эффектов подъёма этих политических сил важно учитывать, что популизм уже не представляет собой феномен, изолированный во внутренней политике [Chryssogelos 2019]. Вопрос о том, как популистские игроки могут влиять на внешнюю политику национальных государств и ЕС, получает отражение в академической дискуссии [Cadier 2020; Destradi and Plagemann 2019; Verbeek and Zaslove 2014, Chryssogelos 2010], однако наталкивается на ряд барьеров. Речь идет, *во-первых*, об идеологической природе явления и многообразии его национальных вариаций. Фрагментарный характер популизма как идеологии [Мусихин 2009: 40] вынуждает его использовать концептуальные наработки других, комплексных, идеологий. Это объясняет появление правой и левой вариаций популизма, а также эклектичность их программных установок. Например, антиисламские и антимигрантские позиции соседствуют с защитой прав женщин и сексуальных меньшинств в программе Партии свободы в Нидерландах [Vossen 2011], а требование сократить миграционный приток во Францию соседствует с требованием снизить пенсионный

возраст и сократить рабочую неделю в программе лидера французского Национального фронта (с 1 июля 2018 г. — Национальное объединение) Марин Ле Пен³.

Во-вторых, играют роль и структурные ограничения популистского импульса, созданные международной средой. В терминологии политолога Ф. Джирландо — «геополитическое структурное давление» [Giurlando 2021]. Указанное давление позволяет популистам бросить вызов истеблишменту лишь в отдельных направлениях внешнеполитического курса, другие же — выступают предохранителем от его крутой трансформации. Исходя из этого, природа явления и неоднозначное влияние внешней среды делает тему взаимоотношений популизма и внешней политики «белым пятном» для исследователей, несмотря на растущий к ней интерес.

Популистская парадигма, основанная на идее антагонистического соперничества народа и элиты, отражается и во внешнеполитическом курсе национальных государств, и во внешней политике Брюсселя, включая отношения с Россией. Популистские силы, как правило, воспринимают Москву как органичную часть нового «нелиберального» мирового порядка и потенциального партнёра в борьбе с традиционными элитами, который способствует размыванию институциональной конструкции, закрепляющей их доминирование.

Авторы настоящей статьи поставили целью ответить на вопрос, как формулируются и реализуются внешнеполитические программы популистов и способны ли они нанести ущерб воплощению принципа солидарности во внешней политике ЕС на российском направлении. При этом популизм определяется как «тонкоцентрированная», или фрагментарная, идеология

¹ The PopuList project. [Электронный ресурс]. URL: <https://popu-list.org/explore-data/> (accessed: 08.10.2021).

² Populists in office// TIMBRO Authoritarian Populism Index. [Электронный ресурс]. URL: https://populismindex.com/report/#post-87-_3q7m5qakg2re <https://popu-list.org/explore-data/> (accessed: 08.10.2021).

³ Factbox: Marine Le Pen's French presidential election policies //Reuters. 14.04.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-france-election-programme-lepen-factbox-idUSKBN17G197> (accessed: 25.10.2021).

[Mudde 2014; Stanley 2008], видящая общество разделённым на две гомогенные и антагонистические группы: «чистый народ» и «коррупцированную элиту» [Mudde 2014]. Концептуальные черты популизма, выделяемые в рамках этого подхода, такие как антиэлитизм, евроскептицизм и антиплюрализм, позволяют идентифицировать носителей идеологии в партийно-политических системах государств-членов ЕС на основе анализа их программных установок.

Основной метод исследования – сравнительный анализ репрезентативных случаев. Выборка для анализа произведена по результатам поиска случаев с максимальными различиями [Przeworski, Teune 1970: 34–46]. Метод максимальных отличий позволяет подсветить общие черты популизма во внешней политике при различном контексте функционирования популистской партии или движения. *Во-первых*, выбраны примеры, исходя из различного веса в политических системах: популизм у власти – Фидес в Венгрии; популизм как ведущая оппозиционная сила в парламенте – Левая партия в 2013–2017 годах и Альтернатива для Германии (АдГ) в 2017–2019 годах в немецком Бундестаге; популизм как внепарламентская оппозиция – Партия независимости Соединённого Королевства (ПНСК) в 2014–2019 годах⁴ в Великобритании. *Во-вторых*, выбранные случаи охватывают правую и левую вариации популизма⁵. Отдельно стоит отметить, что присутствие в логике политического функционирования дихотомии «народ–элиты» позволяет нам вслед за Хриссогелосом [Chryssogelos 2010] относить к числу популистских немецкую Левую партию – политическую силу, которую принято считать крайне левой. *В-третьих*, в анализ включены примеры как консолидированной демократии

(Германия, Великобритания), так и стран демократического транзита (Венгрия), что позволяет увидеть внешнеполитические ориентации популистских сил в различных институциональных контекстах.

Эмпирической базой исследования выступили партийные документы, заявления популистских лидеров, результаты голосования в национальных парламентах и Европарламенте за 2014–2020 годы: от «евроскептического землетрясения» на выборах в Европейский парламент до последнего года членства Великобритании в ЕС, что позволило включить в анализ британский случай.

Принцип солидарности и «популистская волна»

В соответствии с Лиссабонским договором солидарность выступает одним из ключевых принципов, которым Европейский Союз руководствуется не только в своей международной деятельности, но и во внутренних делах [Manners 2020]. В статье 3 Договора о Европейском Союзе (ДЭС) зафиксировано, что «ЕС содействует экономическому, социальному и территориальному сплочению и солидарности государств-членов»⁶, что подчёркивает разноплановую применимость этого термина в официальном дискурсе ЕС.

В контексте поставленного в статье исследовательского вопроса важность представляет именно внешнеполитическое преломление принципа солидарности. ДЭС говорит о том, что «солидарность лежит в основе внешнеполитических действий ЕС: государства-члены активно и безоговорочно поддерживают внешнюю политику и политику безопасности Союза в духе лояльности и взаимной солидарности», а также «воздерживаются от любых дей-

⁴ В 2015–2017 годах ПНСК имела одного депутата в Палате общин.

⁵ В Венгрии левый популизм не получил выражения в партийно-политическом поле. В Великобритании партия «Респект» может считаться левопопулистской, однако, исходя из её гипертрофированного акцента на социально-экономических вопросах, отношения с Россией остались проигнорированными, что позволяет не включать её в фокус данного анализа.

⁶ Consolidated version of the Treaty on European Union // Official website of the European Union. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FXT> (accessed: 13.11.2021).

ствий, противоречащих интересам Союза или способных нанести ущерб его эффективности в качестве сплачивающей силы в международных отношениях»⁷.

Прочное место термина «солидарность» в официальном дискурсе ЕС объясняется во многом процессом дифференциации в рамках интеграционного проекта, получившим импульс для интенсивного развития после его расширения на восток. Принцип солидарности должен был стать «клеем» в условиях различных ориентаций и предпочтений государств-членов, их готовности участвовать в интеграционных инициативах. В особенности это касается внешнеполитических действий ввиду их ярко выраженного межправительственного и консенсусного характера.

Перечень вопросов и направлений внешней политики, которые должны осуществляться на основе принципа солидарности, не закрыт. К примеру, статья 80 ДФЕС указывает, что политику ЕС как в области охраны границ, так и в сфере предоставления убежища и иммиграции следует согласовывать с указанным принципом⁸. Сверх того, ДЭС, ДФЕС, а также многочисленные официальные документы ЕС (доклад Еврокомиссии «Солидарность в Европе», заявление Европейской службы внешних действий «Европа – континент солидарности», совместное заявление Европейской комиссии «Солидарность ЕС в действии») не дают точного определения солидарности, равно как и способов, метрик

или ориентиров для объективной оценки следования принципу солидарности. Более того, отсутствует и понимание, какие механизмы и в каком случае должны применяться для реализации принципа солидарности. Например, статья 222 ДФЕС, которая обязывает государства поддержать государство-члена ЕС, ставшего объектом атаки (военной, террористической и др.), говорит о том, что «порядок реализации Союзом настоящего условия солидарности определяется решением, принимаемым Советом по совместному предложению Комиссии и Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности»¹⁰. Однако логично, что подобный механизм действия касается ограниченного круга вопросов. Тем самым не только вопросы и направления внешней политики, но и механизмы и субъекты реализации принципа солидарности вызывают вопросы.

В отсутствие закреплённого законодательно понимания принципа солидарности, его сфер и норм применения у государств-членов возникает «коридор возможностей» в интерпретации и соблюдении названного принципа. Они могут трактовать принцип солидарности как:

– готовность выполнять в полном объёме свои обязательства перед наднациональными институтами в логике принципал-агентских отношений, но не более [Grimmel, Giang 2017];

– добровольную, транснациональную взаимопомощь [Gould 2020];

⁷ Consolidated version of the Treaty on European Union // Official website of the European Union. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT> (accessed: 13.11.2021).

⁸ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union // Eur-lex. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT> (accessed: 15.09.2021).

⁹ European Commission. 2018. Solidarity in Europe: Alive and Active. P. 3 and 9. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/policy_reviews/solidarity_in_europe.pdf (accessed: 15.06.2021); European Commission. 2021 EU Solidarity in action. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_21_1111 (accessed: 15.08.2021); European External Action Service (EEAS). 2018. Europe – the Continent of Solidarity. [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/migration_opportunities_protection_us.pdf (accessed: 15.06.2021).

¹⁰ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union // Eur-lex. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT> (accessed: 15.09.2021).

– способ разделения ответственности с Брюсселем, с возможностью переложить на него ответственность за неэффективные и/или непопулярные внешнеполитические решения в логике двухуровневой игры [Putnam 1988].

Вступление ЕС в череду кризисов (экономическая стагнация, миграционный кризис, Брекзит, подъём популизма, внешнеполитическая напряжённость в приграничных регионах, пандемия коронавируса и др.) повлекло за собой растущее количество апелляций к принципу солидарности со стороны различных игроков – от общественных групп до Европейской комиссии и Европейского парламента [Потёмкина 2016].

Популистская волна представляет особенно значимую угрозу солидарности, поскольку политические силы, которые с ней ассоциируются, сознательно отринув данный принцип, обратившись к идеологическим конструкциям национального суверенитета [Pigo, Kessel 2017] и тем самым поставив сохранение европейской солидарности в зависимость от своих успехов в публичной политике.

Внешнеполитическая активность ЕС в отношении России превратилась в точку напряжения принципа солидарности, в которой внешнеполитические идеи и ориентиры популистов могут быть транслированы на наднациональный уровень. Во внешнеполитическом курсе стресс-тестом для солидарности государств–членов ЕС стало выстраивание стратегии на российском направлении после украинского кризиса 2013–2014 годов. Политический режим и деятельность Москвы на мировой арене выполняют роль референса мышления, программ и ориентиров партий и политиков популистской волны

[Diesen 2020]. Программы и стратегии популистов демонстрировали отклонение от концептуального оснащения внешней политики ЕС в отношении России, в частности курса ЕС лишь на избирательное взаимодействие с Москвой, зафиксированного в «пяти принципах» Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности в 2014–2019 годах Ф. Могерини¹¹.

Россия во внешнеполитических установках популистов в ЕС

Политические программы популистов демонстрируют внутреннюю неоднородность популистского феномена. Восприятие России может быть диаметрально противоположным или двойственным не только у представителей двух основных вариаций популизма (левого и правого), но и внутри каждой из них.

Включённые в анализ партии правопопулистской окраски (АдГ, ПНСК, Фидес) демонстрируют отклонения от восприятия России, зафиксированного во внешнеполитических документах ЕС и риторике официальных лиц. Эти отклонения выражены в разной степени и предлагают различные акценты: стратегический союз у АдГ; прагматичная пророссийскость у Фидес; союз в борьбе с исламским терроризмом у ПНСК.

«Альтернатива для Германии» характеризует Москву как стратегического союзника, сотрудничество с которым охватывает широкий спектр направлений: от торгово-экономических связей и сферы энергетики до общеевропейской архитектуры безопасности¹². Важно, что АдГ не просто напоминает немецким элитам о завершении «холодной войны» и призывает снять антироссийские санкции¹³, но и пытается ин-

¹¹ Remarks by High Representative/Vice-President Federica Mogherini at the press conference following the Foreign Affairs Council // European External Action Service. 14.03.2016. [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/5490/remarks-by-high-representativevice-president-federica-mogherini-at-the-press-conference-following-the-foreign-affairs-council_en (accessed: 14.10.2021).

¹² Unser Grundsatzprogramm für Deutschland. Alternative für Deutschland. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.afd.de/grundsatzprogramm/> (дата обращения: 15.06.2021).

¹³ Ibid.

ституционализировать пророссийский курс. В январе 2019 г. предложение АдГ по налаживанию «сотрудничества, а не конфронтации с Россией» не было поставлено на голосование в Бундестаге¹⁴. В 2017 и 2019 годах депутаты партии продвигали в Бундестаге требование снять санкции и укреплять экономические отношения с Россией¹⁵. В июне 2020 г. депутаты фракции АдГ подготовили доклад с требованием от федерального правительства выступить против продления антироссийских санкций¹⁶, бросающий вызов внешнеполитическому курсу ЕС.

Ориентация на сотрудничество с Россией является производной от электоральной стратегии АдГ, одной из целей которой является борьба за голоса русскоязычного электората. Доля «русских немцев» составляет, по разным оценкам, 3–5% населения страны. Традиционно они голосовали за ХДС [Захарова 2019], но миграционный кризис 2015–2016 годов усилил их мигрантофобию и несколько трансформировал электоральные предпочтения. По заявлениям лидеров партии, голоса русскоязычного населения составляют треть её поддержки¹⁷, но в литературе приводится иная, видимо, более достоверная оценка – 15% [Kretter 2020]. На выборах в Бундестаг 2017 г. Альтернатива выставила шестерых кандидатов, родившихся в Советском Союзе, из них депутатами ста-

ли двое – Антон Фризен и Вальдемар Хердт¹⁸. Русские немцы видят в АдГ партию, которая способна защищать традиционные ценности, в числе прочего представляя политические и экономические предпочтения не мигрантам-мусульманам, а русскоязычным, что помогло бы им почувствовать себя «своими среди почти своих» [Захарова 2019: 233]. Вместе с тем АдГ пошла дальше, выдвинув кандидатов из числа российских немцев, переведя предвыборную литературу на русский язык и выступив против продолжения санкционной политики ЕС в отношении России¹⁹. АдГ предложила пересмотреть европейский консенсус в отношении России на основе альтернативного понимания солидарности. В данном случае можно говорить как о солидарности внутри Германии, так и между государствами-членами ЕС. С точки зрения АдГ, альтернативная солидарность должна выстраиваться на концептуально иной основе: межгосударственных соглашений между европейскими странами-партнёрами и их общих действиях, а не на базе ОВПБ²⁰.

Партия «Фидес – Венгерский гражданский союз», выросшая из студенческого антикоммунистического Альянса молодых демократов, с течением времени существенно сместилась вправо. Партийное руководство всё громче отстаивает отличный от опыта Западной Европы вектор

¹⁴ Für eine neue Russlandpolitik – Kooperation statt Konfrontation. Deutscher Bundestag. [Электронный ресурс]. URL: <https://dip21.bundestag.de/dip21/btd/19/074/1907427.pdf> (дата обращения: 15.06.2021).

¹⁵ Sanktionen gegen Russland aufheben. Deutscher Bundestag. [Электронный ресурс]. URL: <https://dip21.bundestag.de/dip21/btd/19/143/1914349.pdf> (дата обращения: 15.06.2021)

¹⁶ Auswärtiges/Antrag. Deutscher Bundestag. [Электронный ресурс]. URL: <https://dip21.bundestag.de/dip21/btd/19/200/1920077.pdf> (дата обращения: 15.06.2021).

¹⁷ Shuster S. How Russian Voters Fueled the Rise of Germany's Far-Right // Time. 25.09.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://time.com/4955503/germany-elections-2017-far-right-russia-angela-merkel/> (accessed: 15.06.2021).

¹⁸ Decker P. Immigrants Are Big Fans of Germany's Anti-Immigrant Party // Foreign Policy. 15.01.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/01/15/russian-german-immigrants-fans-afd-anti-immigrant/> (accessed: 15.06.2021).

¹⁹ Chazan G. AfD deploys double-headed eagle to snare Russian-German voters // Financial Times. 31.08.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ft.com/content/1e58cfcc-897a-11e7-bf50-e1c239b45787> (accessed: 28.09.2021)

²⁰ Manifesto for Germany. The Political Program of the Alternative for Germany. 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/04/2017-04-12_afd-grundsatzprogramm-englisch_web.pdf. (accessed: 15.06.2021).

развития страны. Лидер партии и премьер-министр Венгрии Виктор Орбан стремится к диверсификации внешнеполитических связей, декларируя открытость к диалогу и сотрудничеству не только с Россией, но и с Китаем [Chrysogellos 2017]. Венгерский политик часто говорит о возвышении Евразии и подчёркивает, что Венгрия находится в центре треугольника Берлин–Москва–Стамбул²¹. Как и АдГ, Фидес критикует санкционный курс в отношении России. Ещё в октябре 2014 г. венгерский министр иностранных дел Петер Сийярто ставил под вопрос эффективность санкций. Вместе с тем внешнеполитическая линия правительства Orbana не оспаривала единства ЕС в этом вопросе²².

Призывы к отмене санкционного курса сочетаются с пониманием того, что членство в НАТО и Европейском Союзе отвечает национальным интересам Венгрии. Более того, Фидес только под давлением европейских правоцентристов покинула respectable фракцию Европейской народной партии в Европейском парламенте. На фоне противоречий с западноевропейскими элитами, считающими внутреннюю политику В. Orbana попыткой демонтажа системы сдержек и противовесов, поддержка России используется для дискредитации идеи безальтернативности модели либеральной демократии. Как указывает известный политолог И. Крастев, именно усталость венгерского общества от имитации западноевропейских норм и институтов и стала залогом успеха В. Orbana, продвигающего концепцию «нелиберальной демократии» [Krastev 2020]. В этом контексте логична солидаризация и диалог с Россией, которая не похожа на продвига-

емый Западной Европой образец политической организации общества.

В отличие от АдГ, выступающей за пересмотр европейского консенсуса в отношении России, Фидес, в условиях перманентного конфликта с западноевропейскими государствами—членами ЕС, выстраивает солидарность с Россией на двусторонней основе. Условно такой курс можно рассматривать как конфликтующую солидарность, как результат приоритетности в выстраивании солидарности не членам собственного политического сообщества, а аутсайдеру за его пределами [Gould 2020].

В программе Партии независимости Соединённого Королевства Россия называлась важнейшим партнёром Великобритании в борьбе с исламским терроризмом. В контексте украинского кризиса ПНСК подчёркивала недальновидность и непродуманность политики ЕС на восточном направлении и, как следствие, высказывалась за переориентацию внешней политики Британии на национальные интересы, за приоритет двусторонних соглашений над многосторонними²³. Партийный манифест 2015 г. сообщал о том, что растущее вовлечение Великобритании в экспансионизм Европейского Союза всё больше (и напрасно) ссорит Великобританию с Россией²⁴.

Хотя украинский конфликт продемонстрировал недостатки политики ЕС, ПНСК не нашла оснований оправдывать действия Москвы. Такая двойственность подтверждает сделанный ранее в литературе вывод относительно амбивалентного характера восприятия России этой партией [Бышок 2020]. «Мы вселили ложные надежды в людей на Западной Украине, и они были на-

²¹ Hungary questions EU sanctions on Russia. Financial Times. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ft.com/content/3af681ee-550f-11e4-b616-00144feab7de> (дата обращения: 15.06.2021).

²² Ibid.

²³ Osborn A., James W. UK's anti-EU leader accused of being apologist for Russia before vote // Reuters. URL: <https://2https://www.reuters.com/article/us-ukraine-crisis-britain-politics-idUSBREA2Q16A20140327> (accessed: 08.02.2021).

²⁴ Believe in Britain. UKIP Manifesto 2015. P. 67. [Электронный ресурс]. URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/ukipdev/pages/1103/attachments/original/1429295050/UKIP_Manifesto2015.pdf (accessed: 12.11.2021).

столько возбуждены, что фактически свергли своего избранного лидера. Это спровоцировало Путина, и я думаю, что, честно говоря, у Евросоюза на Украине руки в крови», — так комментировал лидер партии Найджел Фарадж начало украинского кризиса²⁵.

В британском кейсе правого популизма существенную роль играют «особые отношения» с США, определяющие внешнеполитический курс Великобритании и ограничивающие пространство для манёвра, в том числе и в отношениях с Россией. ПНСК является верной сторонницей членства в НАТО и мыслит Британию частью не Европы, а «англосферы»²⁶. Как следствие, ПНСК воспринимает Россию не более как союзника по борьбе с исламским терроризмом. В отличие от АдГ и Фидес, ПНСК фактически отвергает идею солидарности как с государствами-членами, так и в отношении России. Восприятие ПНСК России находится вне сферы действия принципа солидарности.

Представляется логичным, что германские Левые будут демонстрировать позитивное отношение к России и выберут стратегию солидарности с ней, ориентируясь на социалистическое прошлое ГДР. У немецких «Левых» пророссийская ориентация присутствует в явном виде: подобно АдГ, эта партия провозглашает свою ориентацию на стратегическое сотрудничество с Москвой. Позитивное восприятие России во многом есть следствие антиамериканизма, антиимпериализма и антимилитаризма левых популистов: они рассматривают НАТО как выбор в пользу войны, а Россию — в пользу мира [Chrissyogelos 2010].

Представления Левых относительно безопасности в Европе диссонирует с реалиями трансатлантического сотрудничества: «Левые» считают, что Брюсселю необходимо развивать более тесные контакты со своими соседями, отказавшись от нормативной повестки прошлого. ЕС и Россия могут совместно противостоять «воинственной деятельности» Вашингтона в Европе и установить прочный мир на континенте, создав общеевропейскую систему безопасности на основе ОБСЕ (не НАТО), направленную на постепенное разоружение²⁷. «Левые» также выступают против санкционного давления на Россию. Во время российско-грузинского конфликта летом 2008 г. они определённо стояли на пророссийских позициях в Бундестаге и Европейском парламенте [Cadier 2019]. Для деэскалации ситуации кризиса на Украине, по мнению этой партии, требуется активизировать диалог с Москвой путём восстановления работы Совета Россия–НАТО²⁸.

Приведённый пример свидетельствует о том, что левые популисты также демонстрируют альтернативное понимание солидарности: новая европейская солидарность в отношении России должна складываться вместе с реформой ОВПБ и изменением архитектуры европейской безопасности в целом.

Несмотря на зафиксированные выше отклонения от принятого в ЕС понимания солидарности (табл.), отчётливо проявляется ограниченность возможностей транслировать программы и установки популистов во внешнеполитический курс Брюсселя по отношению к России. На дебатах в Европейском парламенте в ходе украин-

²⁵ Osborn A., James W. UK's anti-EU leader accused of being apologist for Russia before vote // Reuters. 27.03.2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-ukraine-crisis-britain-politics-idUSBREA2Q16A20140327> (дата обращения: 08.02.2021).

²⁶ Believe in Britain. UKIP Manifesto 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://d3n8a8pro7vhm.cloudfront.net/ukipdev/pages/1103/attachments/original/1429295050/UKIPManifesto2015.pdf> (дата обращения: 12.11.2021).

²⁷ A fundamentally new Common Foreign and Security Policy // DIE LINKE. im Europaparlament. 06.09.2015. URL: https://en.die-linke.de/fileadmin/download/english_pages/programme_of_the_die_linke_party_erfurt_2011.pdf (дата обращения: 08.09.2021).

²⁸ Lösing S. A fundamentally new Common Foreign and Security Policy // DIE LINKE. Im Europaparlament. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dielinke-europa.eu/de/article/9910.a-fundamentally-new-common-foreign-and-security-policy.html> (дата обращения: 08.09.2021).

Таблица

Внешнеполитические ориентации по отношению к России и европейской солидарности

Партия	Внешнеполитические ориентации по отношению к России	Позиция относительно европейского консенсуса в отношении России
АдГ	Стратегический союз	Альтернативная солидарность
Левые	Стратегический союз	Альтернативная солидарность
Фидес	Прагматичная пророссийскость	Конфликтующая солидарность
ПНСК	Амбивалентность	Отрицание солидарности как принципа

Источник: составлено авторами.

ского кризиса популистские партии прибегали к пророссийской риторике, но не пытались её институционализировать, например, в рамках совместных резолюций. Иными словами, популистские партии бросают вызов солидарности, достигнутому европейскому консенсусу во внешней политике ЕС, но не стремятся повлиять на результаты этой политики. Во многом этот тезис проявился на не вошедшем в наш анализ примере «коалиции перемен» Лиги и «Движения 5 звёзд» в Италии в 2018–2019 годах [Cadier 2019].

Популисты идут на уступки мейнстриму при формировании пророссийской повестки на уровне ЕС. В голосовании 2019 г. в Европейском парламенте фракция «Идентичность и демократия», куда входит АдГ, поддержала резолюцию о равной вине Советского Союза и нацистской Германии в развязывании Второй мировой войны. Правда, по сравнению с другими голос фракции «Идентичность и демократия» был наименее сплочённым: из 73 её членов 16 воздержались²⁹.

Казалось бы, популизму у власти доступно больше рычагов для изменения ситуации, если принять во внимание, что решения по санкциям Совет ЕС принимает на основе консенсуса. Тем не менее Фидес не оспаривала и не ограничивала использование санкций против России. Таким образом, в настоящее время солидарность и общеевропейский консенсус демонстрируют устойчивость к альтернативным версиям

внешнеполитического курса в отношении России, которые декларируют популисты. Более того, судя по продлению антироссийских санкций Советом ЕС каждые полгода, несмотря на устойчивость популистского феномена, можно предположить, что, сталкиваясь с возращениями популистов, европейский консенсус не ослабевает, а скорее проходит очередной «тест на прочность». Выдерживая каждый такой тест, как ни парадоксально, он скорее укрепляется вопреки программам и логике популистов.

* * *

Природа популизма как идеологии, позволяющей сочетать взаимоисключающие элементы, препятствует приведению внешнеполитических ориентаций популистов к единому знаменателю и их трансляции в политический курс при приходе к власти. Тема России используется популистами инструментально, для демонстрации антисистемности своей партии и отстройки от позиций истеблишмента. Солидарность в отношении России понимается ими скорее как ещё одна возможность переложить на Брюссель ответственность за неэффективные и/или непопулярные решения. Само восприятие России зависит от пространства для манёвра, которое есть во взаимодействии популизма с мейнстримом в национальном контексте.

Проведённый анализ подтверждает озвученный в академической литературе тезис, что популистские партии продвигают дис-

²⁹ EKRE MEP abstains from European remembrance resolution vote // ERR. 25.09.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.err.ee/984071/ekre-mep-abstains-from-european-remembrance-resolution-vote> (accessed: 14.10.2021).

курс Realpolitik и примат национальных интересов в международной политике. Эта позиция противоречит ценностям и идеям европейской внешней политики. Популисты, особенно правого толка, укрепляют своё видение суверенных государств, отстаивающих национальные интересы без ссылок на универсальные ценности или предшествующие институциональные обязательства [Cryssogelos 2017].

Проведённое исследование выявило и новые эффекты. Левые и правые популисты конструируют альтернативные подходы (разной степени радикальности) к реализации принципа солидарности во внешнеполитическом курсе ЕС по отношению к России. При этом континентальные популисты выступают за то, чтобы (как минимум ситуативно) реформировать принцип солидарности и/или выстроить контр-солидарность, тогда как британские популисты эксплицитно отвергают солидарность как таковую. В конструкциях левых и правых популистов прослеживается противопоставление народа и элиты, переносимое на область мировой политики.

Среди правых популистов лишь Фидес не только концептуально одобряет, но и прямо поддерживает внешнюю политику

ЕС, при этом солидаризируясь с государством, не входящим в интеграционное объединение (Россия), что ставит под сомнение сам принцип европейской солидарности. Отметим, что левые популисты, судя по казусу немецких «Левых», менее радикальны в своих подходах к солидарности, чем их коллеги из АдГ, поскольку они принимают идею внешней политики ЕС, хотя и выдвигают ряд серьёзных требований к её реформе. Ситуация с левопопулистскими ориентациями относительно солидарности требует дальнейшей разработки для подтверждения высказанного выше тезиса ввиду анализа в работе единичного случая данного типа популистской партии

В то же время популистские подходы к отношениям с Россией, их аргументы и логика при сложностях с институционализацией не достигают цели — демонтажа консенсуса и солидарности на уровне ЕС в отношении России. Вопреки программам и заявлениям популистских партий, движений и их лидеров, в рутинных столкновениях с популистскими «спарринг-партнёрами» существующий европейский консенсус скорее укрепляется, нежели размывается.

Список литературы

- Бышок С.О. Образ России в программных установках партий-евроскептиков: сравнительный анализ: Дис. ... канд. полит. наук. М.: МГУ им. Ломоносова, 2020. 274 с.
- Мусихин Г.И. Популизм: структурная характеристика политики или ущербная идеология? // Полития. 2009. № 4 (55). С. 40–53.
- Потёмкина О.Ю. Вишеградская группа и «гибкая солидарность» // Современная Европа. 2016. № 6 (72). С. 43–52.
- Brubaker R. Between nationalism and civilizationism: the European populist moment in comparative perspective // Ethnic and Racial Studies. 2017. Vol. 40. No. 8. P. 1191–1226.
- Cadier D. 'How populism spills over into foreign policy' // Carnegie Europe. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/78102> (accessed: 15.06.2021).
- Cadier D., Lequesne C. How Populism Impacts EU Foreign Policy? // EU LISTCO. Policy Paper. 2020. 12 p.
- Chryssogelos A. Is there a populist foreign policy? // Chatham House Research Paper. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2021-03/2021-03-26-populist-foreign-policy-chryssogelos.pdf> (accessed: 15.06.2021).
- Chryssogelos A. Populism in foreign policy. The Oxford Research Encyclopaedia of Politics. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-467> (accessed: 15.06.2021).
- Chryssogelos A. Undermining the West from Within: European Populists, the Us and Russia // European View. 2010. Vol. 9. 1. P. 267–277.
- Destradi S., Plagemann J. Populism and International Relations: (Un)predictability, personalisation, and the reinforcement of existing trends in world politics // Review of International Studies. 2019. Vol. 45. No. 5. P. 711–730.

- Diesen G.* Russia as an international conservative power: the rise of the right-wing populists and their affinity towards Russia // *Journal of Contemporary European Studies*. 2020. Vol. 28. № 2. P. 182–196.
- Giurlando P.* Populist foreign policy: the case of Italy // *Canadian Foreign Policy Journal*. 2021. Vol. 27. No. 2. P. 251–267.
- Gould C.* Solidarity between the national and the transnational: what do we owe to “outsiders”? // *Transnational Solidarity* / ed. by H. Krunke, H. Petersen, I. Manners. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 22–41.
- Grimmel A., Giang S.* Solidarity in the European Union: A Fundamental Value in Crisis. Berlin: Springer, 2017. 175 p.
- Manners I.* Symbols and Myths of European Union Transnational Solidarity // *Transnational Solidarity* / ed. by H. Krunke, H. Petersen, I. Manners. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 76–100.
- Mudde C.* The Study of Populist Radical Right Parties: Towards a Fourth Wave. C-REX WORKING PAPER SERIES. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sv.uio.no/c-rex/english/publications/c-rex-working-paper-series/Cas%20Mudde:%20The%20Study%20of%20Populist%20Radical%20Right%20Parties.pdf> (accessed: 08.02.2021).
- Mudde C.* The Populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. 2004. Vol. 39. No. 4. P. 541–563.
- Pirro A., Kessel S.* United in opposition? The populist radical right's EU-pessimism in times of crisis // *Journal of European Integration*. 2017. Vol. 39. No. 4. P. 405–420.
- Putnam R.D.* Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // *International Organization*. 1988. Vol. 42. No. 3. P. 427–460.
- Stanley B.* The thin ideology of populism // *The Journal of Political Ideologies*. 2008. Vol. 13. No. 1. P. 95–110.
- Vossen K.* Classifying Wilders: The Ideological Development of Geert Wilders and His Party for Freedom // *Politics*. 2011. Vol. 31. No. 3. P. 179–189.

FLASE ALARM? POPULISM AS A CHALLENGE TO SOLIDARITY IN EU POLICY TOWARDS RUSSIA

SERGEY SHEIN

ARTYOM ALIKIN

HSE University, Moscow, Russia

Abstract

Being a large-scale internal challenge to the European integration project, the growth of populism in the EU has a projection on the foreign policy of both national states and the European Union. A Russian vector of the EU's policy is a domain where the deviation of populist programs and strategies from the positions of the mainstream parties is most evident. In this regard, it is crucial to understand how the foreign policy orientations of European populists affect the most important principle and value of the EU – solidarity, in particular, in the EU's foreign policy towards Russia. Using an ideological approach to understanding populism and a comparative analysis of the foreign policy programs of populist actors in Germany, United Kingdom and Hungary, the article concludes that the deviations of right-wing populist parties (AfD, UKIP, Fidesz) and left-wing populist (“Left”) are expressed in different ways, degrees and suggest different accents: the “strategic alliance” towards Russia among in the cases of AfD and the “Left”; pragmatic pro-Russian attitude in the case of Fidesz, ambivalent attitude in the case of UKIP. Despite the predominantly pro-Russian rhetoric, populism in power and in the opposition does not have the capacity to dismantle solidarity and the European consensus in the EU's foreign policy towards Russia.

The nature of populism as an ideology and the instrumental use by left and right populists of the "Russian issue" for "domestic consumption" are a significant barrier to a real challenge to the EU's policy towards Russia. Moreover, the populists serve as a convenient "sparring partner" to strengthen the existing solidarity in the EU on the issue of relations with Russia.

Keywords:

populism; EU foreign policy; solidarity; Russia.

References

- Bishok S. O. (2020). *Obraz Rossii v programnykh ustanovkakh partij-evroskeptikov: sravnitel'nyy analiz* [Image of Russia in Program Guidelines of Eurosceptic Parties: Comparative Analysis]. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata politicheskikh nauk. Moscow: MSU. 274 p.
- Brubaker R. (2017). Between nationalism and civilizationism: the European populist moment in comparative perspective. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 40. No. 8. 1191–1226.
- Cadier D. (2019). *How populism spills over into foreign policy*. Carnegie Europe. URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/78102> (accessed 15.06.2021).
- Cadier D., Lequesne C. (2020). *How Populism Impacts EU Foreign Policy?* EU LISTCO. Policy Paper. 12 p.
- Chryssogelos A. (2010). Undermining the West from Within: European Populists, the Us and Russia. *European View*. Vol. 9. I. P. 267–277.
- Chryssogelos A. (2017). Populism in foreign policy. *The Oxford Research Encyclopaedia of Politics*. URL: <https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-467> (accessed: 15.06.2021).
- Chryssogelos A. (2021). *Is there a populist foreign policy?* Chatham House Research Paper. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2021-03/2021-03-26-populist-foreign-policy-chryssogelos.pdf> (accessed: 15.06.2021).
- Destradi S., Plagemann J. (2019). Populism and International Relations: (Un)predictability, personalisation, and the reinforcement of existing trends in world politics. *Review of International Studies*. Vol. 45. No. 5. P. 711–730.
- Diesen G. (2020). Russia as an international conservative power: the rise of the right-wing populists and their affinity towards Russia. *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 28. No. 2. P. 182–196.
- Gould C. (2020). Solidarity between the national and the transnational: what do we owe to "outsiders"? In: Krunke H., Petersen H., Manners I. (eds) *Transnational Solidarity*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 22–41.
- Grimmel A., Giang S. (2017). *Solidarity in the European Union: A Fundamental Value in Crisis*. Berlin: Springer. 175 p.
- Manners I. (2020). Symbols and Myths of European Union Transnational Solidarity In: Krunke H., Petersen H., Manners I. (eds) *Transnational Solidarity*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 76–100.
- Mudde C. (2014). *The Study of Populist Radical Right Parties: Towards a Fourth Wave*. C-REX WORKING PAPER SERIES. Available at: <https://www.sv.uio.no/c-rex/english/publications/c-rex-working-paper-series/Cas%20Mudde:%20The%20Study%20of%20Populist%20Radical%20Right%20Parties.pdf> (accessed: 08.02.2021).
- Mudde C. (2004). The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*. Vol. 39. No. 4. P. 541–563.
- Pirro A., Kessel S. (2017). United in opposition? The populist radical right's EU-pessimism in times of crisis. *Journal of European Integration*. Vol. 39. No. 4. P. 405–420.
- Potemkina O. Y. (2016). Vishegradskaya gruppa i "gibkaya solidarnost". *Sovremennaya Evropa*. No. 6 (72). P. 43–52.
- Putnam R. D. (1988). Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games. *International Organization*. Vol. 42. No. 3. P. 427–460.
- Stanley B. (2008). The thin ideology of populism. *The Journal of Political Ideologies*. Vol. 13. No. 1. P. 95–110.
- Vossen K. Classifying Wilders: The Ideological Development of Geert Wilders and His Party for Freedom. *Politics*. 2011. Vol. 31. No. 3. P. 179–189.